

«ИЗНАНКА ЯЗЫКА»: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КONTИНУАЛЬНОГО И ДИСКРЕТНОГО

**Золотухина-Аболина
Елена Всеволодовна** –
доктор философских наук,
профессор.
Южный Федеральный
Университет.
Российская Федерация,
344006, г. Ростов-на-Дону,
Большая Садовая ул., 105;
e-mail: elena_zolotuhina@
mail.ru

В статье рассматривается проблема соотношения континуального и дискретного в человеческом сознании. Автор отталкивается от темы «лингвистического поворота» в философии XX века, когда язык стал рассматриваться как самостоятельная инстанция, а в ряде концепций возобладали представления о принципиальной дискретности языка и идеале его однозначности. Стремясь показать неправомерность гипертрофии языковой дискретности, автор выделяет три вида концепций, по-разному анализирующих связь континуального и дискретного. Это «уровневые концепции», демонстрирующие, что «под языком» идет континуальный смысловой и образно-чувственный поток; «концепции дополнительности», показывающие, что дискретное всегда сопровождается континуальным («невербальные моменты общения и др.), и «концепции отсылки», где речь идет о неких намеках или указании на невербальные составные сознания в культуре (теории символа, идеи лингвопрагматики и др.)

Ключевые слова: язык, сознание, дискретность, континуальность, вербальное, невербальное, уровни сознания, дополнительность, коды, символы, лингвопрагматика

“THE OTHER SIDE OF LANGUAGE”: THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CONTINUITY AND DISCRETENESS

**Elena V. Zolotukhina-
Abolina** – DSc in Philosophy,
professor.
Southern Federal University,
105 Bolshaya Sadovaya St.,
Rostov-on-Don, 344-066,
Russian Federation;
elena_zolotuhina@mail.ru

This paper deals with the problem of continuity and discreteness of human consciousness. The author starts with the analysis of the “linguistic turn” in the philosophy of the 20th century when language was for the first time regarded as an autonomous essence. While stressing the illegitimacy of overestimating of linguistic discreteness, the author identifies three types of concepts, which help to understand differently the connection between continuum and discreteness. These are “the level concepts”, where the semantic and sensitive dimensions of the language are highlighted; “the concepts of complementarity”, which show that the discreteness is always accompanied by continuum (“non-verbal moments of communication”, etc.), and “the concepts of reference”, where the nonverbal and hidden cultural codes of language are explicated (viz. theories of symbols, linguo pragmatics, etc.).

Keywords: language, “the other side of the language”, consciousness, discreteness, continuity, verbal, non-verbal, levels of consciousness, complementarity, references to the continuity, codes, symbols, linguo-pragmatics

Постановка проблемы

Лингвистический поворот в философии, произошедший в первой половине XX в., выдвинул язык в центр философских изысканий, тесно связав философию с лингвистикой, теорией литературы, семиотикой, семантикой и герменевтическим методом. Речь шла не только о языке как системе знаков, но о языке как совокупности текстов культуры, как о форме мышления и о реальном посреднике человеческой коммуникации. Более того, язык стал пониматься в качестве силы, господствующей над людьми, навязывающей им свои коды и правила (Ж. Лакан), как самостоятельная неконтролируемая стихия «письма» (Ж. Деррида), как полилог не зависящих от людей текстов (Ю. Кристева). Возникло впечатление, что это – независимая онтологическая инстанция, оторванная не только от своего субъективно-личностного источника, но даже от интересубъективности как реального межличностного взаимодействия. Более того, идея достижения уровня «протокольных смыслов» как однозначной соотнесенности знака и значения, хотя и имела своих критиков, до сих пор не сошла с теоретической сцены и время от времени всплывает, особенно, в логическом сообществе.

Однако так ли онтологически самостоятельны языковые феномены? Какова их «изнанка»? Что представляют собой «неязыковые корни» языка? Где границы власти «дискретных матриц» слова? Все эти вопросы требуют ответов.

Задача предлагаемой читателю статьи состоит в том, чтобы осветить концепции, которые стремятся увязать вербальный, дискретный характер любого, написанного или произносимого текста с внесловесными, континуальными характеристиками переживания и мышления и, таким образом, показать пределы «чистой текстовости». Язык и текстовая культура – важнейшие характеристики человеческого мира, но у них, образно говоря, есть «подводная» часть, более того, они нередко являются лишь ориентирами, указателями и отсылают нас отнюдь не к «сфере сущего» – твердым предметам и поведенческим стереотипам, по образу и подобию которых, казалось бы, сложился язык.

Разумеется, язык исследуется разными дисциплинами, но у каждой из них своя задача. Существует семиотика как наука о знаках, семантика – наука о значении, теоретическая лингвистика, строящая концепции языка, прикладная и эмпирическая лингвистика. Философия языка как особое философское направление занимается соотношением языка, сознания и культуры. В данном размышлении, предоставляемом вниманию читателя, мы акцентируем внимание именно на соотношении языка как системы дискретных знаков и сознания как феномена, несущего в себе и дискретные, и континуальные моменты.

В то же время данные психологии или невербальной семиотики служат нам опорой, как и идеи философствующих авторов, принадлежащих этим направлениям.

Обращаясь к поставленным вопросам, мы будем пользоваться, прежде всего, методами проблематизации и интерпретации, давая свое прочтение авторских позиций. Кроме того, важно подчеркнуть, что центральную роль в нашем размышлении будет играть понятие смысла. Итак, что же сверх самого себя неявно несет с собой язык, на котором мы говорим и на котором пишем? Представим здесь несколько подходов, которые по-разному, применительно как к текстам, так и к диалогу, описывают «обратную сторону языка».

«Уровневая модель» строения сознания и «изнанка языка»

Модель устройства сознания, условно названная нами «уровневой», предполагает, что осознание и мышление происходят на доязыковых смысловых уровнях. Так. И.П. Меркулов выделяет «перцептивное сознание» и «сознание символическое» (вербальное), расположенные как бы на разных когнитивных ступенях, при том, что это в обоих случаях сознание, которое включает моменты самопрезентации. «Перцептивное сознание, – пишет он, – это наше относительно низкоуровневое сознание, базирующееся на совместной работе когнитивных структур правого полушария. Оно проявляется прежде всего в перцептивном самосознании, в осознании своего невербализованного “Я”, в ”узнавании” себя и распознавании своего информационного отличия от окружающей среды и других людей» [Меркулов, 2010, с. 98]. Перцептивное сознание, полагает И.П. Меркулов, – это инструмент информационного контроля внутренней среды человека, оно интегрировано с бессознательным самовосприятием и недоступно вербализованному «Я». Однако символическое сознание может формироваться и функционировать только на его базе. Именно это примитивное сознание онтогенетически приходит к нам первым и дает нам возможность осознать наше бытие в мире, оно же последним покидает нас.

Другой пример открытия досимволического уровня, являющегося «изнанкой языка», описывает американский ученый Гарри Хант. В своей книге «О природе сознания с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения» после перечисления ряда важнейших характеристик познающего сознания (выраженность в физических метафорах, символичность, осведомленность, рефлексивность, коммуникативность, наличие смысла и др.) он пытается понять, что лежит в основе всех символических форм, которые активно

участвуют в любом познавательном процессе. При этом он говорит о «когнитивном бессознательном», которое вслед за Дж. Сёрлем он склонен полагать интенциональным процессом, а значит, процессом, находящимся на пути к осознанию. Хант различает при этом репрезентативный символизм, выражаемый обычным языком, и презентативный символизм, который предполагает презентативные паттерны символической среды – спонтанную игру образов, лучше всего выражаемую искусством. Именно такую игру образов и неосязаемых состояний обнаружили интроспекционисты, когда стремились уловить во внутреннем мире мысль, лишенную слова и знака. Эта мысль оказалась бесформенной и многоплановой, явилась в виде синестезий: цветового слуха, слияния тактильно-кинестетических ощущений с геометрическими узорами и т. п., в виде синестезических метафор. Поэтому, согласно Г. Ханту, под ясным и осознанным символическим мышлением находится неявная структура – до-символический феномен синестезии. «...собственный опыт, теория и исследования, – пишет Хант, – привели меня к идее, что мысли представляют собой эмерджентные синестезии. <...> Именно синестезии, во всем реальном диапазоне их проявлений, представляют собой недостающее звено “х”, которое связывает “неосязаемые чувства” вюрцбургских интроспекционистов и “образные состояния”, обнаруженные в лабораториях Титченера, пропозиционное мышление и семантическую образность в один-единственный ряд непрерывно перекрывающихся состояний» [Хант, 2004, с. 235].

Синестезии являют собой опыт надличностного порядка, оттого, полагает Хант, можно построить «когнитивную психологию надличностных состояний». Она будет основана на опыте медитации, в которой нет понятий и слов. Медитативный внесловесный опыт, который характеризуется ощущением «присутствие – открытость», в свою очередь, не сводится к архаической памяти, а выступает базовой структурой чувствительности для всех живых организмов. Это фундаментальная организация восприятия, характерная для всех движущихся организмов, а символизм человека, активно участвующих в культурном познании, служит для раскрытия этой базовой формы и носит коллективный характер. Межмодально структурируемые метафоры – основа всего символического познания, они – абстракция и проработка свойств восприятия.

Таким образом, для Г. Ханта вербальное выраженное сознание и понятийное познание покоится на универсальных характеристиках восприятия, на синестезических метафорах, единых для всего, что движется, на потоке внелогических переживаний и образов. Для него фактически мистический опыт – опыт всего живого, но это опыт физиологического порядка, над которым надстраиваются все человеческие рациональные конструкторы.

Развернутую концепцию континуального фундамента дискретных языковых форм высказал в своих произведениях отечественный философ В.В. Налимов. Налимов не обращается к проблеме правополушарности мозга или к чувственно переживаемым синестезиям, он остается в рамках самого лингвистического поля, рассматривая взаимодействия знака и значения, знаковости как формы выражения мысли и смысла, который стоит за знаком. Понимание языка, считает он, не исчерпывается его знаковыми (семиотическими) чертами, можно и нужно говорить о его смысловой (семантической) размерности, которая связана с множественностью смыслов языка, его полиморфизмом. Только если бы слова выступали полностью однозначными, состоящий из них язык мог бы стать семантически одномерным. Однако таких слов в повседневном языке найти нельзя, слова обладают многими смыслами, и их смысл раскрывается в их активном взаимодействии. В семантическом отношении наш обыденный язык многозначен, нелинеен. Отсюда следует возможность и необходимость *вероятностной семантики* – такой теории смысла, которая построена на базе нелинейных, вероятностных представлений. Вероятностная модель языка должна помочь выявить всю его сложность, которая включает не только логическую структуру, но и неоднозначную связь между знаками и тем, что они обозначают. Многомерность языка дает возможность существования текучих, нелогичных актов сознания под внешней формой строгой логики. Определяющим моментом выступает сам акт выбора конкретных смыслов, который мы совершаем при опоре на некие ключевые представления-признаки, которые помогают отсеять ненужные варианты раскодировки смысла. Образно говоря, мы создаем смысловой *фильтр*, через который проходят все наличные смыслы, а мы выбираем из них именно те, что необходимы нам в данный момент. Оказывается, что континуальное смысловое поле подвергается постоянному разделению подобно тому, как свет способен проходить через сетку, создавая множество лучей. Каждый такой луч – результат контекстуального выбора, обусловленного требованиями понимания. «Слова, – пишет В.В. Налимов, – ...имеют две ипостаси – атомарную и континуальную. Логические конструкции строятся над смысловым дискретом – знаком, являющимся инвариантом всего смыслового содержания размытого поля значений. Знак является сигналом, кодирующим поле смысловых значений. Осмысление логических конструкций – их декодирование – происходит на континуальном уровне» [Налимов, 2003, с. 222]. Слово, которое является кодовым обозначением смыслового поля, является неясным описанием этого поля, данного через другие, тоже кодовые обозначения. Однако все богатство смыслового содержания является потенциальным, оно скрыто от нас, это лишь возможность построения бесконечно большого количества высказываний, по сути, оно неизме-

римо. В таком случае рефлексивное мышление является дискретным управлением потоками мысли. Встреча с многосмысленностью языка происходит и в обыденной речи, где много метафорических фраз, шуток, прибауток, фраз-перевертышей, но прямой контакт с «изнанкой языка» – континуальным мышлением, безбрежным семантическим полем происходит в измененных состояниях сознания – при творческом озарении, в медитации, во сне и при гипнозе. Однако не надо забывать, что в обычном общении, где мы прибегаем к словам и фразам, к дискретным языковым единицам, мы, тем не менее, обмениваемся некими размытыми «смысловыми пакетами», и «фильтры», позволяющие нам выбирать в конкретной ситуации один смысл из потенциально многих, у разных людей могут различаться. Дискретная составная редко бывает однозначной. Согласно Налимову, атомарные смыслы вообще невозможны, поэтому, пользуясь словами, мы оперируем размытыми смысловыми «пятнами», которые нуждаются в расшифровке и интерпретации.

Концепции «дополнительности» континуального и дискретного

Человеческая речь, оперирующая языковыми знаками, тем не менее, осуществляется в конкретных практических ситуациях, где люди представлены не только своими ментальными рациональными способностями, но выступают как живые существа, обладающие телом, чувствами, эмоциями, индивидуальными интересами, темпераментом. Рассматривая межличностное общение в избранном им прагматическом аспекте, П. Вацлавик выделяет цифровую и аналогическую коммуникацию. Цифровой коммуникацией он именуется манипуляцию «дискретными положительными величинами», а проще, словами, в которых соотношение между названием и названным является условной и случайной: «в числе пять нет ничего, похожего на пять...». В противоположность этому в аналогической коммуникации есть что-то схожее с предметом, который необходимо выразить, так, иностранную речь легче понять благодаря естественной мимике и пантомиме. Для Вацлавика является аксиомой, что люди, именно как люди, общаются, прежде всего, цифровым (словесным) способом, однако он подчеркивает, что аналогической коммуникации, – эмоционально-телесной выразительности и интонации, – принадлежит аспект выражения отношений. «Невербалика», являясь размытым и несловесным проявлением эмоций, говорит нам о собственно межличностном, о том, как «ты относишься ко мне, а я к тебе». При этом в «аналогическом языке» отсутствуют такие конструкции, как

отрицание (нельзя выразить «нет», например, «я на тебя *не* нападу»), формы «если... то», «или... или», а также разграничения для прошлого, настоящего и будущего.

Человек вынужден, пользуясь обоими видами коммуникации, говорит Вацлавик, постоянно сочетать эти два языка, один из которых, следует добавить, не совсем и язык. Говоря об отношениях, следует адекватно переводить информацию из цифровой формы в аналогическую. Вацлавик пишет: «Люди используют как цифровой, так и аналогический способ коммуникации. Цифровой язык обладает чрезвычайно сложным и мощным логическим синтаксисом, но испытывает недостаток адекватной семантики в области отношений, в то время как у аналогического языка есть семантика, но нет адекватного синтаксиса для недвусмысленного определения природы отношений» [Вацлавик, Бивин, Джексон, р. 79]. **Наличие неизбежного «двуязычия»** приводит, как считает Вацлавик, к многочисленным ошибкам, поскольку аналогическому коммуникативному материалу можно придавать совершенно различные смыслы. Так подарок может быть понят как знак любви, как взятка или как возмещение убытков. Бледность, дрожание и заикание на допросе может быть истолковано и как свидетельство вины, и как страх невинного человека быть обвиненным. Но в любом случае, подчеркивает автор, все аналогические сообщения – это просьба о взаимоотношениях и предложение о правилах этих отношений.

Совершенно явно дополнение вербальной коммуникации невербальной выступает для Пола Вацлавика как дополнение ясного – неясным, внятного – загадочным, определенного – неопределенным. Думается, с этой точкой зрения вряд ли согласился бы Григорий Ефимович Крейдлин, написавший книгу «Невербальная семиотика» [Крейдлин, 2002]. Здесь речь также идет о дополнении, но невербальные формы выглядят не как «чистая континуальность», а как «континуальность умеренная», как совокупность внесловесных, но содержательно очерченных поведенческих и эмоциональных паттернов, имеющих устойчивый смысл. В книге представлены: кинесика, описывающая язык жестов; паралингвистика, изучающая голос и тон, окулесика, рассматривающая «язык глаз»; гаптика, посвященная смыслу прикосновений; проксемика, трактующая тему дистанции между участниками коммуникации.

Автор анализирует культурные стереотипы «говорящего» без слов поведения, сравнивает особенности его в разных культурах, не упуская из внимания возможность понимания выразительных форм одной культуры представителями другой, поскольку многие позы и движения выступают как жестовые конвенциональные знаки. И все-таки «знаковые характеристики» внесловесной коммуникации оказываются ограничены в своих языковых возможностях. Они являются

дискурсивными, выступают в роли слова прежде всего там, где возможно четко фиксированное действие, явственное движение, хорошо отделимое от других. Сложнее с такими эмоциональными состояниями, которые плавно, вполне «континуально» перетекают друг в друга. Так, Крейдлиным прямой взгляд в глаза интерпретируется как «желание установления контакта и получения информации». Он пишет: «Основным невербальным средством выражения этого смысла является прямой взгляд в глаза, а в случае, если партнер тоже выражает желание контакта или согласие на контакт, то этот смысл в русском невербальном языке обычно кодируется совместным взглядом. Посредством контакта глаз люди не только передают сообщения, но также пытаются избежать возможных высказываний партнера, которые могут быть им неприятны» [Крейдлин 2002, с. 388]. Далее приводятся примеры поучений, которые велят при разговоре не смотреть в сторону, а смотреть собеседнику в глаза. Можно отчасти согласиться в этом с автором, однако стоит добавить, что такой прямой взгляд нередко также понимается также как дерзость, как открытый вызов, что прослеживается даже в животном мире (не стоит смотреть в глаза вожаку). Считается, что лучше не смотреть в глаза более сильному человеку, ведущему себя агрессивно, или начальнику, который вызвал вас на разнос. Здесь срабатывает позиция П. Вацлавика: и кто его знает, что в этой конкретной ситуации выражает этот взгляд? Можно толковать по-разному, и иногда даже последующее языковое объяснение не влияет на реакцию «объекта взгляда». Так или иначе, язык всегда тесно связан с неязыковыми формами выражения, которые, как в случае интонации, противоположной смыслу слов, могут даже радикально менять суть сказанного (можно так произнести «люблю», что будет понятно, что это «убью»).

Еще один вариант представления о важности дополнения языковых диалогов внеязыковыми формами мы встречаем в технике «фокусирования» американского психотерапевта Юджина Джендлина. В начале своей книге, посвященной проблемам психотерапевтического диалога и самораскрытия пациента, он обращается к тому, что психотерапевт может очень долго словесно беседовать с пациентом, все ему объяснять, но не получать никакого эффекта в отношении улучшения его состояния: негативные эмоции и настроения остаются негативными, не меняясь. Автор полагает, что вербальный уровень здесь не работает, и комплекс эмоционально-смысловых переживаний, которые подлежат трансформации, необходимо найти на уровне тела. Возникающее смутное ощущение в отличие от словесной формулировки характеризуется открытостью, способностью к изменению, именно его незамкнутость в дискретной форме, незавершенность дает ему возможность не застревать в прошлом, а двигаться в будущее. Процесс переживания и трансформации протекает на границе созна-

тельного и бессознательного. Джендлин указывает на различие чувствуемых ощущений и эмоций, видя в них целостные и устойчивые образования. Он пишет: «Когда возникает такое телесное ощущение, обычно приходит чувство облегчения. Как будто тело благодарно за то, что ему позволили проявить целостность своего бытия... Это нечто такое, что просто *есть* у вас. И если раньше вы просто *были*, то есть определенным образом существовали, то сейчас вы новое живое существо, сущность которого определяется тем, *как вы чувствуете* свое бытие. Теперь вы можете испытать это чувствование своего бытия – оно становится объектом, на который может быть направлено ваше внимание» [Джендлин, 2000, с. 34]. Вся книга автора посвящена тому, как, изменяя чувствуемые ощущения, можно позитивно измениться, придя к личностному росту. Диалог пациента происходит при этом как бы с двумя инстанциями – вербально с психотерапевтом, и невербально – с ощущениями своего тела.

Таким образом, мы видим, что континуальная «другая сторона» вербальности нередко рассматривается как необходимое дополнение собственно языковой формы коммуникации.

Концепции «отсылки к континуальному»

Континуальность, тесно связанную с языком, отмечали авторы, которых язык занимал как живая речь и как поэзия. В статье о жизненном пути Шлейермахера А.Л. Вольский отмечает: «В своих воззрениях на живую речь Шлейермахер следует поэтической теории языка, разработанной в Германии И.Г. Гаманом и Г.Г. Гердером, продолженной в трудах романтиков и В. фон Гумбольдта, который трактовал язык в его истинной сущности как работу *духа, энергейю, т. е. как поэзию* (курсив мой. – Е.З.-А.). Дух проявляется в живой речи как непрерывный процесс языкотворчества» [Вольский, 2004, с. 32]. Да и сам Шлейермахер, один из основоположников герменевтики, ясно дает понять, что язык и речь постоянно соотносятся со «своим другим» – мышлением, духом: «Мышление предшествует всякой речи. Это утверждение обратимо, но по отношению к сообщению оно остается истинным, ибо искусство понимания начинается только с движения мысли» [Шлейермахер, 2004, с. 44]. Целостность мышления и понимания – в постоянной оборачиваемости языка и духа, речи и мышления, многоплановые отсылки речевой формы к тому, что за ней стоит, обладая иными качествами.

Континуальность «изнанки языка» явственно прослеживается в теориях символа, таких как теории Э.Кассирера или А.Ф. Лосева. Причем речь может идти и идет о символах теоретического знания,

математики, науки. Подлинные символы, а не примитивные знаки отсылают нас не к единичным предметам, не к неким отдельностям, но к континууму смыслов, к широкому, открытому полю значений, к функции, к отношению, в пределе – к закону. И функция, и отношение выступают как континуум, который лишь весьма условно может быть раздроблен на фрагменты и элементы. «К какому бы моменту познания мы не обращались, – пишет Э. Кассирер, – идет ли речь о высших его ступенях или самых низших слоях, о созерцании или о чистом мышлении... повсюду мы находим “единое во многом”, выступающее в одном и том же смысле на самых различных ступенях и при всей их конкретности. Повсюду всеохватывающе-единое было не столько единством *рода*, под который подводятся виды и индивиды, сколько единством *отношения*, благодаря которому многообразное определялось внутренней сопринадлежностью» [Кассирер, 2002, с. 243]. Именно «единство правила», «единство функции» – это то, на что указывает, к чему отсылает нас символическая форма, будь то математика, философия или искусство, символ-предмет кивает на непредметное.

У А.Ф. Лосева речь идет о символе как о смысловой общности, которая является принципом получения бесконечного ряда относящихся к ней единичностей [Лосев, 1995]. Казалось бы, речь идет о единичностях, но, во-первых, это смысловые единичности, а во-вторых, их ряд бесконечен. Сама бесконечность развертки содержаний отменяет однозначное соответствие знака и смысла, переводит внимание от формы символа как дискретной единицы к тому потенциальному полю, размытый образ которого он вызывает.

Другое свидетельство постоянной отсылки вербального языка и речи к континуальным характеристикам внутреннего мира мы встречаем в различных вариантах лингвопрагматики. Дело в том, что и устная речь, и письменный текст как аурой окутаны смысловыми коннотациями, причем коннотациями, в первую очередь, связанными с непосредственной ситуацией. Прежде всего, это, конечно, относится к ситуативной устной речи. Здесь всегда присутствуют намеки на внеязыковые ситуации практического плана, апелляция к интеллектуальному багажу и опыту собеседника, намеки и аллюзии разного рода, двусмысленности, подразумеваемые, но не выговоренные пласты смысла. Известный специалист по лингвопрагматике Б.Ю. Норман пишет по этому поводу: «Нередко прагматический компонент обладает в речевой деятельности бóльшим “весом”, чем собственно семантический. Это значит, что говорящему важно не столько передать объективную информацию, сколько обозначить свое отношение к собеседнику: фатическая¹ и эмотивная функции языка берут здесь верх над собственно коммуникативной» [Норман, 2009, с. 10]. Опираясь

¹ Фатическая функция – функция установления контакта в коммуникации.

на разработку темы Б.Ю. Норманом, приведем некоторые примеры «указания» слов и фраз на внеязыковый контекст, имеющий недискурсивную природу.

Прежде всего, это внутренняя готовность говорящего, обращенная к внутренней готовности слушающего позитивно ответить на обращение, или же готовность получить отказ, упреждающая этот отказ. Можно сказать, что это встреча двух установок, возможно, не вполне осознанных, чаще всего не выраженных словесно. Это некий род интуиции, создающий более или менее напряженное поле ожидания, позитивное либо негативное настроение, это имплицитный импульс к обращению.

Затем это то, что называют «иллокутивными актами» или прямыми речевыми актами. Это вопросы, обращения, приказания, приветствия, констатации фактов, которые отсылают нас уже не к готовности сказать нам на прямой вопрос «да» или «нет», а затрагивают некие действия, которые должны стать реакциями на базе прямого и непосредственного понимания: «Звонят» – ожидаемая реакция «пойти и открыть дверь»; «Сегодня на улице мороз» – ожидаемая реакция «надеть шапку»; «Когда ты зайдешь?» – ожидаемая реакция «желание ответить визитом». Человек, которому сказали: «Звонят», просто встает и идет отпирать дверь. Он не переводит в слова свое понимание и свое намерение, если не усматривает в сказанном противоречия или ошибки: «Да вовсе и не звонят! Это машина проехала...». Если все верно, следует непосредственная реакция, сопровождаемая переживанием намерения, которое невербально.

Отсылка к континуальности понимания следует и тогда, когда фраза строится по-разному и теоретически в ней можно выделить тему (данное) и ремю (фокус). Мы без объяснений даже на письме, а тем более при голосовом интонировании прямо схватываем, что во фразе «Мальчик съел мороженое» речь идет о мальчике, но рема (фокус) здесь – мороженое, поэтому можно продолжить: «и еще две конфеты». В то же время во фразе «Мороженое съел мальчик», где ремой выступает уже сам мальчик, естественным было бы продолжение – «а девочка съела яблоко». Считывание потенциальных возможностей продолжения не вербализуется, но усматривается в строении самой фразы, которое отсылает нас к совсем разным возможным продолжениям сюжета и разным неназванным контекстам, в рамках которых все происходит. Вообще, разговор всегда погружен в неязыковый контекст (разные жизненные обстоятельства), и в том случае, когда контексты различны, люди нередко не понимают друг друга или долго ищут понимания, или их «смысловые поля» не пересекаются.

Уже не только ситуативными, но культурно-ассоциативным характером обладают отсылки к континуальному в художественном тексте, представленные Р. Бартом в его понятии «символических ко-

дов». Характеризуя связь «кода» с Текстом, который являет всю *недифференцированную* массу культурных смыслов, Г. Косиков пишет: «Бартовский код не имеет сколько-нибудь существенного отношения к лингво-семиотическому употреблению этого термина... Его “код” – пространство цитации, диапазон, в котором располагаются всевозможные культурные «голоса», сплетающиеся в Текст» [Косиков, 2001, с. 19]. И далее дается цитата из работы Р. Барта: «...то, что мы называем Кодом, – это не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код – это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает – вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито; код и есть след этого *уже*; отсылая к написанному ранее, иначе говоря к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой Книги» [Барт, 2001, с. 45]. **Коннотации для Р. Барта** – это то, что открывает доступ к полисемии классического текста, это соотнесенность, анафора, метка, способная отсылать к иным контекстам [Барт, 2001, с. 35]. **Коннотативные «коды» по сути не выговариваются**, то, на что они указывают, «имеются в виду», «внезапно возникает»: так, например, описание поведения героя вызывает образ «нервозности», которая прямо не называется, а текст, повествующий о нарядном бале, конкретизируется в невыговоренном впечатлении о «богатстве». Если не принимать во внимание стремление Барта свести все к идеологии, то очевидно, что «внутреннее устройство» текста постоянно порождает «смысловые облака» различного рода, которые сопрягаются с культурным опытом читателя и персонажей.

В яркой форме идея «двуплановости» сознания и «взаимоотсылки» континуального и дискретного содержится в статье Ю.М. Лотмана «Феномен культуры». Человеческая культура принципиально многоязычна, яркой чертой дуализма в любых культурах выступает наличие словесно-дискретных и иконических (изобразительных) языков, которые выступают как взаимно подобные символы. Такая семиотическая неоднородность считает Лотман, свойственна любой интеллектуальной структуре. Хотя на разных этапах человеческой культуры одна из систем может претендовать на всеохватность, структура, в целом, биполярна, как биполярен двуполушарный человеческий мозг. Человеческое переживание мира всегда строится как система внутренних переводов и перетекания текстов из линейно-словесного в мифологически-образное мышление и обратно. Точная передача невозможна, и речь идет лишь о смысловой эквивалентности. «Невозможность точного перевода текстов с дискретных языков на недискретно-континуальные и обратно, – пишет Ю.М. Лотман, – вытекает из их принципиально различного устройства: в дискретных языковых системах текст вторичен по отношению к знаку, т. е. отчетливо распа-

дается на знаки... В континуальных языках первичен текст, который не распадается на знаки, а сам является знаком или изоморфен знаку» [Лотман, 1992, с. 38]. **Надо сказать, что далеко не все авторы согласились бы с Ю.М. Лотманом** в том, что недискретно-континуальные составные человеческого сознания и культуры вообще можно назвать языком. Так, известный французский феноменолог М. Дюфрен утверждает в ряде своих работ, в том числе, в статье «Является ли искусство языком?», что искусство и знаковый, дискретный язык – вещи совершенно разные.

Согласно Ю.М. Лотману, интегрировать противоположные семиотические структуры в единое целое должна человеческая личность. Механизмы интеграции бывают двух типов: во-первых, это метаязык, позволяющий описывать два различных языка как один. Во-вторых, это креолизация, когда принципы одного из языков оказывают глубокое воздействие на другой, несмотря на совершенно различную природу грамматик. Так в немом кино принцип «слов» и «фраз» был перенесен на движущееся изображение, в результате чего возникла поэтика монтажа.

В толще культуры всегда идут два противоположных процесса: перевод из дискретных форм в континуальные и обратно, но всегда при частичной смысловой трансформации.

Краткие выводы

Наш весьма беглый обзор показал, что отрыв знаково-символических систем от многомерности и континуальности жизни сознания не имеет под собой оснований. Язык как система дискретных знаков не может рассматриваться как нечто самостоятельное, самовластное, отдельное, онтологически независимое, он всегда сопряжен с континуальными смысловыми феноменами. Происходит постоянное взаимодействие языково-понятийного с одной стороны, и вероятностно-смыслового с другой; жесткость и «капсулированность» слова сочетается с текучими эмоционально-образными переживаниями и телесными ощущениями; четкие грамматические конструкции оборачиваются указаниями на нерелексивные переживания и спонтанно работающие поведенческие мотивы.

Кроме представленных нами наличных в философии подходов к теме «дискретное – континуальное» (а именно, версий «уровневости», «дополнительности» и «отсылки»), существует еще один способ видения проблемы: это описанное авторами-эстетиками создание «континуальных переживаний» с помощью дискретности языка, когда происходит таинственное превращение знаковой ткани в чувства

и эмоции. Это тема поэзии и художественной прозы, которая может быть рассмотрена с позиций диалектики континуального и дискретного. Думается, этот сюжет заслуживает отдельного исследования.

Список литературы

- Барт, 2001 – *Барт Р. S/Z*. М.: УРСС, 2001. 232 с.
- Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000 – *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000. 299 с.
- Вольский, 2004 – *Вольский А.Л.* Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: Европ. дом, 2004. С. 5–40.
- Джендлин, 2000 – *Джендлин Ю.* Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М.: Независ. фирма «Класс», 2000. 448 с.
- Кассирер, 2002 – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3. М.; СПб.: Университет. кн., 2002. 398 с.
- Косиков, 2001 – *Косиков Г.* Идеология. Коннотация. Текст // *Барт Р. S/Z*. М.: УРСС, 2001. С. 8–29.
- Крейдлин, 2002 – *Крейдлин Г.* Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2002. 592 с.
- Лосев, 1995 – *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
- Лотман, 1992 – *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
- Меркулов, 2010 – *Меркулов И.П.* Сознание с точки зрения Эволюционно-информационной эпистемологии // *Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 23–130.
- Налимов, 2003 – *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. Томск; М.: Водолей Publ., 2003. 368 с.
- Норман, 2009 – *Норман Б.Ю.* Лигвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков. Минск: БГУ, 2009. 183 с.
- Хант, 2004 – *Хант Г.* О природе сознания. М.: АСТ, 2004. 555с.
- Шлейермахер, 2004 – *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: Европ. дом, 2004. 246 с.

References

- Barthes, R. *S/Z*. Moscow: URSS, 2001. 232 pp. (In Russian)
- Václavik, P., Bevin, D., Jackson, D. *Psichologiya mezhlichnostnykh kommunikatsii* [Pragmatics of Human Communication. A Study of Interactional Patterns, Pathologies, and Paradoxes]. Saint Petersburg: Rech', 2000. 299 pp. (In Russian)
- Volsky, A. L. "Fridrikh Shleiermakher i ego germenevticheskaya teoriya" [Friedrich Schleiermacher and his hermeneutic theory], in: *Schleiermacher F. Germevntika* [Hermeneutics]. Saint Petersburg: Evropeiskiy Dom, 2004, pp. 5–40. (In Russian)

Gendlin, E. T. *Fokusirovanie. Novyi psikhoterapevticheskii metod raboty s perezhivaniyami* [Focusing-oriented psychotherapy]. Moscow: Klass, 2000. 448 pp. (In Russian)

Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 3. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2002. 398 pp. (In Russian)

Kosikov, G. Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst. [Ideology. Connotation. Text], in: Barthes, R. *S/Z*. Moscow: URSS, 2001, pp. 8–29. (In Russian)

Kreidlin, G. *Neverbal'naya semiotika* [The nonverbal semiotics]. Moscow: NLO, 2002. 592 pp. (In Russian)

Losev, A. F. *Izbrannye stat'i. T.1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected papers. Papers on semiotics and typology of culture]. Moscow: Iskusstvo, 1995. 320 pp. (In Russian)

Merkulov, I. P. Soznanie s tochki zreniya Evolyutsionno-informatsionnoi epistemologii [Consciousness from the of evolutionary informative epistemology point of view], in: Beskova I. A., Gerasimova I. A., Merkulov I. P. *Fenomen soznaniya* [Phenomenon of Consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2010, pp. 23–130. (In Russian)

Nalimov, V. V. *Veroyatnostnaya model' yazyka* [Probabilistic model of the language]. Tomsk-Moscow: Vodolei Publ, 2003. 368 pp. (In Russian)

Norman B. Yu. *Lingvisticheskaya pragmatika. Na materiale russkogo i drugih slavyanskikh yazykov* [Linguistic pragmatics. On the material of Russian and other Slavic languages]. Minsk: BSU, 2009. 183 pp. (In Russian)

Hunt, H. T. *O prirode soznaniya* [On the nature of consciousness]. Moscow: AST, 2004. 555 pp. (In Russian)

Schleiermacher, F. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Saint Petersburg: Evropeiskiy Dom, 2004. 246 pp. (In Russian)